

Море и утес:
К истории
политической
метафоры

**Юрий Валентинович
Кагарлицкий**

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

Sea and Cliff:
Towards the History
of the Political
Metaphor

Yury V. Kagarlitskiy

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Резюме

В статье рассматривается известная политическая метафора: Россия уподобляется непоколебимому утесу, о который вотще разбиваются волны европейского революционного моря. Этот образ хорошо известен по стихотворениям В. А. Жуковского «К русскому великану» (1848) и Ф. И. Тютчева «Море и утес» (1848–1851), однако возник он ранее и был распространен в политической риторике этого времени. В статье восстанавливается предыстория этой метафоры, выявляется ее связь с другими политическими метафорами. Дается объяснение распространению метафоры утеса в бурном море в консервативной журналистике и поэзии. Автор стремится выяснить, какого рода политическое воображаемое может стоять за подобного рода риторическими фигурами и какого рода политические ожидания эта риторика порождает. В статье предложена в общих чертах возможная методология историко-семантического исследования социальных, политических и идеологических метафор.

Цитирование: Кагарлицкий Ю. В. Море и утес: К истории политической метафоры // *Slověne*. 2025. Т. 14, № 2. С. 188–219.

Citation: Kagarlitskiy Yu. V. (2025) Sea and Cliff: Towards the History of the Political Metaphor. *Slověne*, Vol. 14, № 2, p. 188–219.

DOI: 10.31168/2305-6754.2025.2.07

Ключевые слова

метафора, политическая метафора, историческая семантика, русский консерватизм

Abstract

The article examines the famous political metaphor: Russia resembles an unshakable cliff against which the waves of European revolutionary sea break in vain. This image is well known from Vassily Zhukovsky's *To the Russian Giant* (1848) and Fedor Tyutchev's *The Sea and the Cliff* (1848–1851), but it was invented earlier, being wide-spread in the political rhetoric of the time. The article reconstructs the pre-history of the metaphor and reveals its association with other political metaphors. It tries to explain why the image of a cliff in stormy sea was so widespread in conservative journalism and poetry. The author of the article seeks to find out, what kind of political imaginary could stand behind such rhetorical figures and what kind of political expectations could be inspired by this rhetoric. The article also tries to outline in general the methodology of investigating social, political and ideological metaphors.

Keywords

metaphor, political metaphor, historical semantics, Russian conservatism

В начале сентября 1848 г. В. А. Жуковский опубликовал стихотворение «К русскому великану», где была представлена грандиозная картина: грандиозный утес стоит среди беснующихся волн, которые ударяются о его гранитное тело, но только разбиваются в мелкие брызги и откатываются назад, тогда как утес стоит недвижим:

Не тревожься, великан!
 Мирно стой, утес наш твердой,
 Отшибая грудью гордой
 Вкруг ревущий океан!
 Вихрей бунт встревожил воды;
 Воем дикой непогоды
 От поверхности до дна
 Вся пучина их полна...

 Ты же, бездны господин,
 Мощный первенец творенья,
 Стой среди всевозмущенья
 Недоступен, тих, один;
 Волн ругательные визги
 Ветр, озливший их, умчит;
 Их гранит твой разразит,
 На тебя нападших, в брызги!

[Жуковский, II: 335]

Романтическая образность: бурное море, одинокая скала, борьба стихий, вырастающая до космических пропорций, не должна сбивать нас с толку: стихотворение аллегорически изображает революционные события 1848 г., известные как «весна народов», и предполагаемую стойкость, «незыблемость» России перед лицом повсеместных восстаний и протестов.

Стихотворение Жуковского первоначально было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях», а затем несколько раз перепечатывалось в течение сентября в «Северной пчеле», «Русском инвалиде» и, наконец, «Москвитянине». В «Русском инвалиде» вслед за стихами Жуковского были опубликованы последние девять строк стихотворения Ф. И. Тютчева «Море и утес» (полностью стихотворение было напечатано только в 1851 г.). Тютчев в своем стихотворении использовал едва ли не те же фигуры, что и Жуковский в своем; «Море и утес», очевидно, было написано под впечатлением от стихотворения Жуковского¹.

Метафора России как незыблемой скалы в бурном море революционной Европы кажется достаточно актуальной в любую эпоху, когда доминирует консервативный дискурс и оказываются востребованы такие ценности, как «стабильность» и «непоколебимая верность традиционному образу жизни». Однако было бы ошибкой или по крайней мере чрезмерным упрощением видеть в метафорах только лишь средство для более красноречивого изложения определенных готовых идей. Образ утеса посреди моря вызывает ассоциации, с одной стороны, с другими аллегорическими картинками, изображающими государство, с другой — с поэтической образностью эпохи. Анализ этих связей позволит нам лучше понять политическое мышление тех, кто практикует подобную риторику, вскрыть как корни такого мышления, так и его импликации. Метафорический язык, по сравнению с языком терминов и дефиниций, зачастую оказывается более удобным средством для передачи мыслей тех, чье мышление суггестивно, нечетко, полно противоречий².

¹ История публикации стихотворения и дискуссии, которая возникла по этому поводу у Жуковского с друзьями-поэтами, а также очевидное влияние стихотворения на Тютчева подробно рассмотрены Ф. З. Кануновой в комментарии к стихотворению [Жуковский, II: 733–735].

² Изучение метафор и их роли в политическом и философском языке широко практикуется в современных гуманитарных исследованиях. Можно вспомнить, к примеру, работы Ханса Блюменберга, одна из которых упоминается и используется ниже. Существует и другой подход: метафоры лежат в основе любых понятий и терминов; можно упомянуть такие влиятельные работы, как «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff and Johnson 1980] или статью В. А. Успенского «О вещных коннотациях абстрактных существительных», опубликованную в 1979 г. [Успенский 1979]. Отдавая дань уважения замечательным исследователям и в известной мере основываясь на некоторых их соображениях, я пытаюсь выработать свой собственный подход

В настоящей работе я пытаюсь проследить происхождение *метафоры моря и утеса*³. Я намерен рассмотреть эту метафору в связи с другими образами государства, другими риторическими приемами, использующими образы бурного моря и борьбы с ним; увидеть эту метафору в широком контексте поэтических традиций и традиций политического красноречия (как выясняется, они тесно переплетены, поэтому провести четкую границу между ними невозможно). Затем я попробую установить причины, по которым метафора входит в обращение в консервативной журналистике и поэзии в XIX в. Я попытаюсь описать сдвиги в политическом мышлении, о которых свидетельствует распространение этой метафоры. Наконец, я попытаюсь понять, какого рода политическое воображаемое может стоять за подобными поэтическими или риторическими фигурами и какого рода политическое мышление или действие оно предполагает в будущем.

Созерцание морских волн всегда волновало людей. Нет ничего удивительного в том, что картины волн, разбивающихся о берег, широко представлены в мировой литературе. Образ разбивающихся волн напоминает о мощи разъяренного океана; о бессилии волн перед земной твердыней; о тщете наших страстей и т. п. Помимо всех этих ассоциаций, сама по себе картина разбивающихся волн производит сильное впечатление и несет на себе печать первоначального величия.

Не решусь здесь подробно говорить об океанских и прибрежных ландшафтах в целом. Эта тема весьма обширна и едва ли может быть рассмотрена в рамках настоящей работы. Сосредоточусь на метафорическом использовании картины разбивающихся о берег волн, чтобы реконструировать предысторию метафоры моря и утеса и вскрыть ее парадигматические и генеалогические связи.

Сравнение героя, стоящего неизбежно среди опасностей и невзгод, со скалой среди бушующих волн использовалось в литературе задолго до Жуковского и Тютчева. Конечно, распространение этого сравнения не ограничивалось рамками русской словесности: оно принадлежало и принадлежит к международному фонду топосов и мотивов. Уже в «Махабхарате» читаем: «Как поток разбивается, натолкнувшись на крепчайший из утесов, так было сметено войско Пандавов, столкнувшееся с Карной» [Карнапарва 1990: 193]. Ср. в «Энеиде» о царе, выдерживающем натиск толпы:

и сделать изучение метафор частью своих исследований по политической и культурной семантике.

³ Далее я всюду использую это несколько громоздкое выражение для обозначения изучаемой метафоры.

ille velut pelagi rupes immota resistit,
ut pelagi rupes magno veniente fragore,
quae sese multis circum latrantibus undis
mole tenet; scopuli nequiquam et spumea circum
saxa fremunt laterique inlisa refunditur alga (VII, 586ff).

Царь же незыблем и тверд, как утес в бушующем море,
Словно в море утес, когда он средь растущего гула
Всей громадой своей отражает бешеный натиск
Воющих волн, а вокруг громяхают скалы и камни
В пене седой, и с боков отрываются травы морские
[Вергилий 1979: 280].

В эпосе воин, бьющийся со множеством врагов, или царь, противостоящий толпе, могут быть сравнены с недвижимой скалой среди ярящихся волн. Эта же метафора естественным образом распространяется на всех, кто сражается с какими-либо недругами или несчастьями. Ср. у Сенеки в трактате «О счастливой жизни»:

Praebeo me non aliter quam rupes aliqua mari destituta, quam fluctus non desinunt, undecumque moti sunt, verberare, nec ideo aut loco eam movent aut per tot aetates crebro incurso suo consumunt [Seneca, II: 176].

Я выдерживаю ваши удары, как скала, одиноко возвышающаяся над поверхностью изобилующего мелями моря, о которую беспрестанно разбиваются налетающие со всех сторон волны, не будучи в состоянии ни сдвинуть ее с места, ни разрушить, несмотря на частый прибой в течение столь многих веков [Римские стоики 1995: 191].

Ср. также у Марка Аврелия: «Быть похожим на утес, о который неустанно бьется волна; он стоит, и разгоряченная влага затихает вокруг него»⁴.

Наконец, «волны» могут атаковать не только извне, но и изнутри. Благочестивый христианин, борющийся со страстями и искушениями, может быть уподоблен утесу, противостоящему буре.

Так, св. Василий Великий говорит в беседе на память мученицы Иулиты, что заповедь Господня призвана подготовить душу христианина быть способной «подобно утесу, находящемуся близ моря, безопасно и непоколебимо» выдерживать «удары сильных ветров и волн» [PG, XXXI: 245]; перевод цит. по: [Василий Великий, I: 1654].

Подобные метафоры также могут быть обнаружены в древнерусской литературе, возникшей под определяющим влиянием византийской патристики. Стойкость аскета или мученика может быть описана

⁴ Цитата дается в переводе по изданию [Марк Аврелий 1985: 22]. Оригинальный греческий текст см.: [Marcus Aurelius 1916: 94].

как незыблемость каменного столпа, что породило общеизвестный фразеологизм *столпъ непоколебимъ*. Татьяна Руди исследовала различные варианты и отметила среди них пассаж из Жития Герасима Болдинского, где «столп» твердо противостоял яростным волнам:

Блаженный же, терпѣнию столпъ непоколебимый, яко крѣпкий адамантъ, приражаяся от морскихъ волнъ, неразбиваемъ бывашѣ, но паче волны от него разсыповахуся и в пѣны превращашеся, твердаго же столпа не поколебашѣ, — сице и святыи, ни во что же вмѣняя озлобления злоковарныхъ сихъ лукавыхъ человекъ, терпѣниемъ и молитвами одолеваше всѣхъ, опасно вѣдый, злаго стараго врага диявола наважение сие быти [Руди 2004: 221–222].

Руди ставит это употребление в один ряд с другими, описывающими дух истинного христианина как несокрушимо твердый⁵. В древнерусской литературе, так же как и в позднеримских и патристических сочинениях, цитированных выше, метафора моря и утеса использовалась, чтобы изобразить чью-либо персональную стойкость перед лицом как врагов, так и страстей. Не буду останавливаться на этом периоде, поскольку в центре моего внимания Новое время.

Образ утеса, спокойно стоящего среди атакующих волн, становится более актуальным, по мере того как добродетель постоянства набирает популярность. Восхождение постоянства (лат. *constantia*) в западной культуре в определенной степени может быть объяснено популярностью книги Юста Липсия «О постоянстве посреди общественных бедствий» (*De constantia in publicis malis*, 1584). На протяжении XVII в. эта книга была опубликована практически на всех европейских языках и пользовалась известностью по всей Европе [Oestreich 1982]. Сосредоточенность на постоянстве отчасти стала результатом этой моды, но, кажется, была частью более широкого культурного движения, охватившего всю Европу. Так, культура допетровской России едва ли знала философскую рефлексию по поводу правил жизни, москвиты, насколько это нам известно, не были знакомы с книгой Липсия или какими-либо основанными на ней компиляциями, но возросшее употребление до того весьма редких слов *постоянный*, *постоянство*, коррелятов латинских *constans*, *constantia*, фиксируется с самого начала XVII в. и в последующие десятилетия. Эти слова распространяются в русской книжности как характеризующие морально положительное поведение или морально надежного человека [Кагарлицкий 2021]. Эта тенденция, по-видимому, возникла в результате внутренних потребностей культуры и затем была поддержана иноязычным узусом в

⁵ Я благодарен анонимному рецензенту (рецензентке) за то, что он(а) привлек(ла) мое внимание к этой работе.

условиях разрастающейся практики перевода и усвоения иноязычных текстов. Таким образом, невозможно отделить внутреннюю тенденцию от внешнего влияния. В сущности, общий интерес к постоянству, повсеместный, в том числе и в России, являлся частью панъевропейской трансформации этического дискурса на пороге Нового времени.

В этом контексте едва ли стоит удивляться, что образ несокрушимого утеса среди бурных волн стал достаточно популярен. Человек, прочно стоящий на скале, надписанной *Constantia*, окруженной бушующим морем, изображен на фронтисписе одного из англоязычных изданий «О постоянстве...» [Lipsius 1654]. В собраниях эмблем подобные образы встречаются с конца XVI в.; так, в четвертом томе собрания Иоахима Камерария Младшего, вышедшего в свет в 1590–1604 гг., есть образ скалистой горы среди волн в сопровождении следующего текста:

LXVIII

SECURE

Nec pelagi fluctus, nec cœli fulguro curo,

Frangitur haud fortis forte in acerba animus

[Symbolorum et Emblematum 1604: 69].

ВНЕ ОПАСНОСТИ

Ни о морских волнах, ни о молнии небесной не пекусь,

Едва ли суровой судьбой сокрушен будет могучий дух.

В «*Devises et emblemes d'amour anciennes et modernes...*» (1691), изданных Даниэлем де ля Феем, сходный образ комментируется так:

3. In motu quiesco. *Jo son quieto nello borasca. Je suis tranquile dans l'Orage. Jo estoi tranquilo en la burasca. Ih ben stille in het Onweder. I am quiet in Tempest. Ich bin stille in dem Ungewitter.*

Un Amant malheureux & sage

Est comme une montagne au milieu de la mer:

Il est tranquile dans l'Orage,

Sachant que la Vertu se fait enfin aimer

[de La Feuille 1691: 18].

Спокойный среди бури

Несчастливый и мудрый любовник

Как гора в морской пучине:

Он спокоен среди бури,

Зная, что Добродетель в конце концов добьется любви.

Аналогичные статьи имеются в собраниях эмблем, выпущенных в России; ср.: 806. Een Rots in Zee [Символы и эмблемата 1705: 270–271]; 806. Каменная гора, морем окруженная [Максимович-Амбодик 1788: 202–203].

Метафора моря и утеса продолжает использоваться в литературе и в Новое время. Краткий обзор использования этой метафоры в поэтических контекстах дан в статье А. Л. Осповата и О. Ронена [Осповат, Ронен 1999]. Эта чрезвычайно плодотворная статья была весьма полезна мне для понимания истории изучаемой метафоры, но должен еще раз подчеркнуть, что исследовательская перспектива у меня совершенно иная. Я сосредоточен на метафорическом изображении контрреволюционной стойкости в XIX в., и ее предыстория важна для меня постольку, поскольку она позволяет понять семантическую структуру метафоры и содержащийся в ней политический и идеологический посыл.

В российском политическом словоупотреблении метафора моря и утеса появляется в начале XVIII в. В эту эпоху главным жанром, в рамках которого разрабатывались образы политического, был панегирик, церковный или светский. Образы моря и утеса появляются в панегирических проповедях петровского времени. В собрании проповедей Феофана Прокоповича есть проповедь, помещенная туда по ошибке; в действительности она принадлежит Иоанну Кременецкому и посвящена возвращению Петра I из зарубежной поездки в 1717 г. В этой проповеди Петр сравнивался с могучим воином, напоминающим утес, противостоящий волнам:

Якоже бо, аще бы кто все трудолюбіе и весь подвигъ нѣкоего нарочита воина и побѣдителя восхождѣль другимъ показати, колика и какова суть, реклъ бы о немъ, яко той воинъ подобенъ есть Кавкасскому камню, горѣ каменной стоящей при брежѣ моря подобенъ есть, на нюже и волны, и вѣтры, и громы ударяють и налягають; но она стоитъ неподвижима: реклъ бы паки, яко подобенъ есть котвѣ корабль во время обуреванія утверждающей, еще же: въ правду подобенъ есть и самому тому кораблю, силно отъ волнъ свирѣпѣющихъ обуреваемому, но всяко стремленіе шествія своего дѣйствующему и непогрязаемому [Феофан Прокопович, I: 183].

Необходимо остановиться на этой цитате. Оратор последовательно сравнивает «воина» (Петра) с «Кавказским камнем», выдерживающим яростные атаки стихий, якорем («котвой») и кораблем в бурном море. Эти образы стоят в одном ряду и в равной мере представляют могучего и мужественного монарха как успешно противостоящего врагам и невзгодам, окружающим его. Метафора моря и утеса стоит в одном ряду с метафорой корабля, которая традиционно применяется к государству. Можно заметить, что обыкновенно корабль соответствует государству как целому, тогда как правитель оказывается его кормчим. Однако в этом случае корабль используется как метафора самого монарха. Тем не менее этот пассаж показывает, что метафоры дополняют друг друга:

метафора моря и утеса сосредотачивает мысленный взор слушателей на стабильности и незыблемости, тогда как метафора корабля подчеркивает необходимость мастерства и гибкости при встрече с множеством опасностей.

Иоанн возвращается к метафоре моря и утеса в дальнейшем:

Видѣль ли еси како шумящія мѡря волны устремляются бѣущи на камень, но самыя паче отъ него разбиенны вспять разливаются, ниже слѣда по себѣ оставльши, а камень каменемъ на мѣстѣ своемъ неподвижимый? Тако убо разумѣй и о крѣпости въ терпѣннѣи крѣпкаго и доблественнаго воина, на негоже еще и устремляются бѣюще шумящія вражѣихъ нападеній волны, но паче самыя отъ него бѣени, паки вспять устремляются къ бѣгству, ниже слѣда храбрости своея по себѣ оставльши, крѣпость же его крѣпостію стоитъ не превратна [Ibid.: 184].

Здесь ясно виден персоналистский характер метафоры. Скала, стоящая неподвижно против ревущих волн, визуализирует внутреннюю твердость героя; по сути дела, само использование слова «твердость» по отношению к герою предполагает отождествление материальной твердости и личной стойкости. Подобная же фигура речи используется Феофаном Прокоповичем:

Сверхъ бо того, что многими трудами не истомляемый, и не сокрушаемый безчисленными бѣдствіи, и аки камень среди волнъ морскихъ не движимый пребывая довольно всему свѣту показаль еси, что имя тебѣ ПЕТРЪ [Ibid.: 204].

Барочная игра слов, основанная на этимологии имени, обычна для панегириков. Политическая риторика в России XVIII в. строилась на панегириках, адресованных определенным ключевым фигурам, протагонистам имперского развития и экспансии. Страна, имперское пространство существует просто как сцена, где вершатся деяния титанов. Поскольку автор прославляет героя, постольку уместна метафора моря и утеса. Поскольку речь касается государства, оно изображается как игрушка хаотических сил; подобно кораблю, оно нуждается в добром кормчем, чтобы выжить в бурях:

...Россія, весьма отчаянному кораблю подобна: отъ единыя страны насильствіе Татарское, отъ другой нападеніе Свѣйское, яко вѣтры жестоки, а внутрь отечества, отъ мимошедшихъ междоусобій и несогласій, поврежденіе силы, аки великая скважня. Мощно же знати о Слышательіе! яко не спаль кормчій сей, егда въ такомъ волненіи корабль цѣль сохранилъ [Феофан Прокопович, II: 12–13].

Уподобление кого-либо утесу или скале в бурном море, подчеркивание его или ее стойкости, как сказано выше, было общим местом как для европейской, так и для русской литературы. В политической

риторике, сосредоточенной на личности верховного правителя и его/ее достоинствах, такое сравнение стало типичной панегирической формой. Например, несколько десятилетий спустя оно читается в стихах М. В. Ломоносова (1754):

Мы крепостью Ея от сопостат покрыты
И в бедствия волнах бежим к Ней для защиты;
От Ней на подданных течет щедрот поток
И разливается на запад и восток.
«Прекрасная гора, от Бога утверждена,
Елисавет, венцем и славой увязенна,
Среди Российскаго рая недвижно стой!»

[Ломоносов, VIII: 552].

Подобное сравнение есть и в биографии Екатерины II, написанной Георгом Фрайхерром фон Танненбергом:

Unerschütterlich wie ein Felsen, an dem sich die Wogen brechen, stand sie, und verliess sich auf die Gerechtigkeit ihrer Sache, und auf die bekannte Gefühle der Ehre, Vaterlandsliebe, und Tapferkeit der Anführer ihrer Armeen [von Tannen-berg 1797: 222].

Непоколебимая как утес, о который разбиваются волны, она стояла и полагалась на правоту своего дела и известные ей чувства ее войска, честь, любовь к Отечеству и мужество.

В определенной степени абсолютистское понимание власти имеет дело с двумя сторонами монаршей личности: человек, борющийся с внешними и внутренними вызовами, и правитель, которому удается содержать государство в совершенном порядке и процветании. Когда речь идет о человеке, используется обычная моралистическая или хвалебная образность. Неудивительно, что метафора моря и утеса, широко используемая для описания чьей-либо твердости, несклонности к колебаниям, мужества, подходит для таких случаев. Когда речь идет о правителе, предпочитают метафору корабля. Государство — это корабль в бурном море, и только мудрый и опытный кормчий может провести его сквозь опасности. Государство постоянно находится под угрозой, и именно монарх спасает его. Такой взгляд глубоко укоренен в политической традиции [Каждан 1976; Thompson 2001; Brock 2013].

«Героический» вариант метафоры моря и утеса мог использоваться в панегириках монархам и становиться частью абсолютистского дискурса, но сам по себе он не предполагал никакой связи с конкретной идеологией. Точно так же он мог употребляться в либеральной и даже революционной риторике. Например, риторика якобинцев включала метафоры моря и утеса: сторона монтаньяров или якобинцев

изображалась как незыблемый утес, а их оппоненты как яростные, но эфемерные волны:

...mais je leur annonce que, quand nous ne serions que dix à la Montagne, nous resterons à notre poste, nous dévoilerons tous les crimes de Brissot, de la faction de la Gironde, et tous les flots de la mer viendront se briser contre le rocher où nous siégeons, parce qu'il est appuyé sur les bases immuables de la justice et de la vérité [Société des Jacobins, IV: 601].

...но я заявляю, что, если мы не более, чем десятеро на Горе, мы останемся на нашем посту, мы разоблачим все преступления Бриссо, фракции Жиронды, и все волны моря разобьются о скалу, на которой мы сидим, потому что она укреплена на незыблемом фундаменте справедливости и истины.

Semblables au rocher qui voit les flots irrités se briser en écume à ses pieds, et qui reste toujours rocher, les Jacobins, au milieu des fureurs de leurs ennemis, restent immobiles et inébranlables [Société des Jacobins, VI: 472].

Напоминая скалу, которая наблюдает, как сердитые волны разбиваются в пену у ее подножия, и которая вовеки остается скалой, якобинцы посреди своих разъяренных врагов остаются незыблемыми и непоколебимыми.

Максимиллиан Робеспьер в манифесте от 17 ноября 1793 г. сравнил Французскую Республику со скалой, о которую должны разбиться вражеские атаки:

Tandis que les puissances rivales de la sienne viennent se briser contre le rocher de la République française, l'impératrice de Russie ménage ses forces & accroît ses moyens... [Robespierre 1989: 277]

Пока силы соперников разбиваются о скалу Французской Республики, русская императрица экономит силы и наращивает ресурсы...

Это сравнение немного отличается от привычного героического: не отдельный герой и даже не группа их, а целая страна представлена здесь как непоколебимая скала.

Французская революция подорвала основы абсолютистской мифологии. Новое столетие требовало обновленной риторики, которая не вкладывала так много в героическую фигуру правителя. Если говорить, используя язык корабельной метафоры, государство более не было образом умелого управления, оно стало образом неуправляемости. В разгар войны между Россией и наполеоновской Францией А. С. Шишков написал свое «Рассуждение о любви к Отечеству» (1812). Там, описывая роковой момент прошлого России, он использовал образ корабля для визуализации катастрофы:

Россія безъ главы; нѣтъ въ ней Царя; Вельможи все въкупѣ раздѣлены, а каждый порознь слабъ и маловластенъ; народъ мятется, унываетъ, страждетъ, не зная что дѣлать и кому повиноваться: такъ на морѣ корабль безъ кормила и якоря не вѣдаетъ куда идти и гдѣ остановиться. Между тѣмъ буря подъятыми на подобіе горъ волнами бьетъ, ломитъ, трясетъ все его составы и угрожаетъ ихъ разрушить. Въ такомъ состояніи была Россія въ началѣ семнадцатаго вѣка [Шишков, IV: 160].

Можно было бы ожидать, что это прискорбное видение сменится на противоположное, в котором хорошо управляемый корабль ведет храбрый и умелый кормчий. Однако Шишков не рисует нам ничего подобного. Кажется, сам образ корабля в бурном море сделался гораздо более тревожным. По крайней мере, адмирал Шишков был достаточно пессимистичен относительно судьбы такого корабля; возможно, его собственный морской опыт хорошо накладывался на опыт исторический. Французская катастрофа, как он, вероятно, видел Революцию, триумф безбожных, разрушительных сил в конце концов завершились наполеоновским вторжением в Россию. Корабль Французского государства, блистательный и могучий, бывший некогда образцом для других народов, потерпел кораблекрушение.

В своих размышлениях о патриотизме Шишков упомянул бурные волны дважды. Первый раз, когда писал о разобщенности России перед лицом иноземного вторжения в Смутное время. Второй раз, когда писал о народе и вере:

слово *народъ* представляет намъ такое же понятіе, какъ морскія волны: буря подѣмлетъ и вержетъ ихъ; въ насъ страсти подобное же воздвигаютъ тревоженіе, не меньше яростное не меньше лютое. Кто для усмиренія сихъ бунтующихъ страстей, раздувающихъ въ сердцахъ нашихъ огонь вражды, междоусобія, искорененія другъ друга; кто посреди сихъ буйствъ и ослѣплений говорить сильному изъ насъ: *наблюдай правду*, слабому: *терпи*, и обоимъ вмѣстѣ: *вотъ завтрешнее жилище ваше, гробъ; за предѣломъ же гроба судія дѣлъ вашихъ, Богъ!* Сей гласъ есть въры... [Ibid.: 176].

Для Шишкова народ без веры ассоциируется с бурными волнами; именно вера необходима, чтобы их умиротворить. Таким образом, волны могли символизировать равным образом внешнюю (вражеское вторжение) и внутреннюю (неконтролируемые страсти или, в социальной перспективе, народные бунты) угрозы хаоса⁶.

⁶ Изображение человеческих страстей (или грехов) как морских волн и души праведника, вооруженного Христовым учением, как незыблемого утеса вполне традиционно. Достаточно вспомнить приведенный выше пример, в котором заповедь Господня готовит душу христианина к тому, чтобы быть подобной «утесу, находящемуся близ моря» (в беседе св. Василия Великого). Можно

Годом позже Шишков создает риторическую фигуру, которая живо напоминает ту, что упомянута в начале настоящей работы:

Вы мужествомъ и храбростію своею показали свѣту, что гдѣ Богъ и вѣра въ сердцахъ народныхъ, тамъ, хотя бы вражескія силы подобны были волнамъ Океана, но всё онѣ о крѣпость ихъ, какъ о твердую непоколебимую гору, разсыплются и сокрушатся: изъ всей ярости и свирѣпства ихъ останется одинъ только стонъ и шумъ погибели [Шишков, XVI: 67].

Эта цитата взята из манифеста Александра I от 5 февраля 1813 г., текст которого был написан Шишковым. Аналогичная фигура речи есть в «Известии о Лейпцигском сражении», написанном Шишковым в октябре того же года:

Въ прошедшемъ году видѣли мы Рускіе обширную страну нашу безчисленными непріятельскими силами наводненную. Казалось свирѣпое море сіе горами волнъ своихъ покроетъ и поглотитъ насъ. Кто могъ поставить имъ оплотъ? сомнительна была надежда и трудно спасеніе. Мы стояли на краю гибели и съ нами гибла вся Европа. Но крѣпокъ и силенъ человекъ упованіемъ на Бога. Не проходить четырехъ мѣсяцевъ, какъ грозныя волны сіи, сокрушась о камень твердости народной, и попираемая сильною грудью войскъ нашихъ, съ такимъ ужасомъ текутъ назадъ, съ какою лютостію къ намъ стремились; текутъ, одна другую давить, и всё погибають [Ibid.: 155].

На первый взгляд, образ, употребленный Шишковым, напоминает использованный, к примеру, Робеспьером (см. выше): армия/народ/страна (коллективный герой с единой волей) как «твердая непоколебимая гора» стоит против бесчисленных вражеских полчищ. Это в самом деле так, но необходимо принять во внимание еще и то, как Шишков понимает слово «народ». Для него это важнейший пункт в полемике с французским Просвещением. Он различает два понимания. Без подчинения божественному закону народ напоминает морские волны или неконтролируемые страсти человеческие. Такой образ народа был явлен «безбожной» Францией, рожденной в пламени Революции. Другой образ Шишков обнаружил в русском народе, борющемся с Наполеоном. Такой народ вдохновлялся верой, уважал социальный порядок и самоотверженно защищал его. В отличие от первого, он визуализировался как твердая гора или скала.

привести также другой пример, практически современный Шишкову: «La loi divine, au contraire, est une digue infurmontable qui repousse le choc continuel des eaux; c'est l'ordre que Dieu a donné aux flots de se briser fur le rivage» [de La Luzerne 1793: 65]; русский перевод этого сочинения вышел в свет в самом начале XIX в.: «А законъ Божій есть оплотъ непреодолимый, о которой разбиваются волны страстей, подобно бурнымъ водамъ, раздробляющимся о скалы береговъ» [де Ла Люзерн 1805: 96].

Таким образом, в сочинениях Шишкова начала формироваться образность новой эпохи. Волны символизировали и врага-захватчика, и революционные и национальные движения, каменный монолит (скала, утес, гора) — имперскую твердыню⁷. Стойкость русского народа состоит не только в его воинском мужестве, но и в его отношении к социальному порядку, совершенно ином по сравнению с безбожными народами, соблазненными духом века сего и атакующими Россию под предводительством Наполеона. Шишков не проговаривает этого открыто, но его главная идея, очевидно, была примерно такова.

Конечно, эта идея не явилась ниоткуда, но возникла в определенном интеллектуальном контексте. Европейская публика пыталась осмыслить опыт Французской революции. В 1792 г. Иоганн Готфрид Гердер в своих «Письмах для поощрения гуманизма» («Briefe zur Beförderung der Humanität», 1793–1797; Brief 17) писал:

Wir können der französischen Revolution wie einem Schiffbruch auf offnem, fremden Meer vom sichern Ufer herab zusehen, falls unser böser Genius uns nicht selbst wider Willen ins Meer stürzte. [Herder 1883: 315]

Мы можем наблюдать Французскую революцию, как если бы она была кораблекрушением в открытом, чужом море, созерцаемым с безопасного берега, поскольку наш злой гений не ввергает нас в пучину помимо нашей воли.

Этот образ выглядит предсказанием более позднего, представленного Шишковым. Ханс Блюменберг заметил, что Гердер полагался на дистанцию, разделявшую революционную Францию и Германию, но не только географическую, но и определяемую разницей национальных характеров: «Дистанция определялась прежде всего языком, пишет Гердер, и этим объясняется неуспех французской драмы в Германии. Исходя из этих допущений, распространение революционных событий на Германию, кажется, исключено»⁸. Шишков знал труды Гердера и испытал его непосредственное или опосредованное влияние [Земскова 2001: 12–13, 78], так что он мог использовать образы, представленные немецким философом, в своих сочинениях. Таким образом, метафора моря и утеса ожидаемо оказывается связанной с идеями раннего национализма. Однако национализм как таковой раскрывает здесь свое особое измерение: нации предстают как способные или неспособные

⁷ Визуализация империи как незыблемой скалы, вероятно, подкреплялась известным: «...и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18); ср. [Осват, Ронен 1999: 50–51]. Однако эта параллель кажется лишь подкрепляющей образ.

⁸ The distance is determined above all by language, Herder writes, and this explains French drama's lack of success in Germany. On these assumptions, the spread of the revolutionary events to Germany seems out of the question [Blumenberg 1997: 45].

противостоять революционному соблазну, являют себя как незаконное «море» или непоколебимый «утес». Стереотипное суждение об определенном национальном характере оказывается частью реакционной, контрреволюционной топики.

Перспективы Гердера и Шишкова значительно отличаются друг от друга. Гердер занимает позицию сочувственного, но внешнего наблюдателя. Германия не стоит против революционных «волн», она просто расположена на безопасном берегу, «поскольку наш злой гений не ввергает нас в пучину помимо нашей воли». Шишков, напротив, описывает прямое столкновение «волн» со «скалой». Конечно, это может быть объяснено тем, что Гердер и Шишков все же принадлежат к разным поколениям: Гердер, в отличие от Шишкова, не дожил до наполеоновских войн. Шишков же был свидетелем попытки Наполеона подчинить себе как Германию, так и Россию. Во время войны он занимался антифранцузской пропагандой, работая плечом к плечу с Эрнстом Морицем Арндтом, знаменитым немецким писателем, эволюционировавшим в течение жизни от энтузиаста Просвещения в немецкого националиста. Скорее всего, оба автора рассматривали наполеоновское вторжение не только как завоевательный поход, но и — возможно, даже в большей степени — как экспансию Революции. Об этом свидетельствует следующее высказывание Арндта, которое можно встретить в его «Воспоминаниях из внешней жизни» («Erinnerungen aus dem äußeren Leben», 1840):

Nicht nur die Franzosen, auch die Verbündeten hatten von dem schönen, gebildeten, kunstreichen Lande der Franzosen, und daß ihr Staat zum Heil des übrigen Europas mächtig und stark sehn und bleiben müsse, uns die Ihren vollgeklungen; daß Deutschland aber von allen andern, daß Deutschland eben als der Mittelpunkt des Welttheils, an welchem sich die wilden Wogen aller Völkerbewegungen und Weltaufreue brechen müßten, stark und mächtig erhalten oder gemacht werden müsse, wer hat es ausgesprochen? [Arndt 1842: 262–263].

Не только французы, но и союзники оглушали нас болтовней о прекрасной, отличающейся прекрасным воспитанием, богатой достижениями искусства Франции, и что для блага Европы необходимо, чтобы она была сильной и мощной. Но кто сказал хотя бы что-то о том, что Германия, занимающая срединное положение в мире, обреченная на то, чтобы о ее берега разбивались все волны народных движений и мировых смут, — должна сделаться и оставаться сильной и мощной?

С точки зрения Арндта, наполеоновское вторжение должно рассматриваться как революционная «волна», тогда как Германия предстает тем берегом, о который эта волна обречена была разбиться. Эта картина отличается от нарисованной Шишковым. Германия не стоит

мужественно против «волн», она просто оказывается препятствием на их пути. Они разбиваются о берег, но и Германия страдает от их ударов. Арндт негодует, что европейские партнеры не озабочены тем, чтобы Германия сделалась и оставалась «сильной и мощной», коль скоро она выполняет столь важную миссию. Шишков писал о вере, которая сделала русскую армию, или народ, или всю Россию непоколебимой твердыней. Арндт не упоминал никаких человеческих качеств и вообще людей, Германия в его изображении оказывалась лишь частью мира, которая должна была пострадать от удара волн, но тем не менее заставить их рассыпаться в брызги. Картины у Шишкова и Арндта различны, но они как бы взаимно дополняют друг друга.

Арндт был хорошо знаком с Шишковым, они сотрудничали [Земскова 2001: 149–155], так что мы можем предположить, что они использовали в своих сочинениях общий фонд фразеологизмов, речевых фигур, аллюзий и т. п. В приведенных выше цитатах Шишков писал о недавних событиях, тогда как Арндт вспоминал дела четвертьвековой давности, но кажется вероятным, что метафора моря и утеса была частью языка, которым пользовался их круг. Главные компоненты метафоры сохраняются и в целом сохраняют свое значение, даже если акценты расставляются по-разному. Образность моря и утеса обеспечивает постоянное воспроизводство одних и тех же составных частей картины: яростные волны (революционные и национально-освободительные движения), атакующие незыблемую скалу, утес, гору, берег или что-либо еще в таком роде, что символизировало бы твердыню старого режима. Волны обречены атаковать утес и разбиваться об него, тот обречен стоять на их пути как несокрушимое препятствие. Таков был образ главной политической конфронтации эпохи — образ, сформированный метафорой моря и утеса.

Метафора моря и утеса на протяжении десятилетий присутствует в письмах, записках и заметках князя Меттерниха, одного из самых знаменитых европейских консерваторов XIX в.

В 1820 г. он написал частное письмо о том, что настоящая конституция могла бы возникнуть как результат вековой эволюции, как произошло в Англии. Однако революционный путь — дело иное:

Ce qu'on appelle aujourd'hui une constitution n'est pas autre chose que le principe: «Ote-toi de là que je m'y mette.» Ce qui, dans le calme, se perd comme l'écume, forme des vagues énormes quand souffle la tempête; or, le monde moral a ses orages comme le monde matériel. Si l'on posait la question de savoir si la révolution inondera toute l'Europe, je ne voudrais pas parier pour la négative; mais je suis fermement résolu à lutter contre elle jusqu'à mon dernier soupir [Metternich, III: 339].

То, что сегодня называют конституцией, есть не что иное, как «Отойди, чтобы я мог занять твоё место». То, что в спокойные времена исчезает, как пена, взбивается бурей в огромные волны, а моральный мир, как и материальный, знает свои бури. Если задаваться вопросом, затопит ли революция всю Европу, я не могу поручиться, но в чём я уверен, так это в том, что я буду биться против этого до последнего дыхания.

В этом пассаже нет «утеса», только «волны» революции. Революция виделась как буря, сопровождаемая огромными волнами. Было необходимо остановить «потоп», спасти Европу от революции. В 1825 г., однако, в другом письме Меттерних, можно сказать, даёт образу развитие:

On parait être très-monté contre moi à Saint-Pétersbourg, et cela est tout naturel. Si les vagues de la mer étaient animées de sentiments humains, on pourrait très-bien s'expliquer leur antipathie pour le corps solide contre lequel elles viennent se briser. D'après les lois de la nature, des corps de ce genre ne peuvent pas céder; il faut qu'ils restent ce qu'ils sont, ou bien ils finissent par être brisés à leur tour. Au milieu de la tempête, les vagues semblent être les plus fortes; quand la tourmente est passée, le rocher reste intact, tandis que les vagues ont disparu [Metternich, IV: 199].

В Санкт-Петербурге, кажется, мной были очень сильно оскорблены, что вполне естественно. Если бы морские волны были наделены человеческими чувствами, их антипатия к твердой субстанции, о которую они разбиваются, была бы легко объяснима. В соответствии с законами природы такие тела должны сопротивляться, они должны оставаться неизменными, или скоро придет их черед быть разрушенными. Посреди бури волны кажутся самыми сильными, но, когда буря проходит, скала остается невредимой, а волны исчезают.

Меттерних, очевидно, писал о своих разногласиях с Россией по поводу «греческого вопроса». Однако он интерпретировал это несогласие не как конфликт интересов, а как свою личную борьбу против сил, стремящихся разрушить имперский порядок. Это согласовалось с его видением себя как постоянного защитника старого имперского порядка против любых деструктивных движений. Он полагал, что политика России в данном случае непоследовательна, тогда как его неизменна. Поэтому он визуализировал эту конфронтацию, изображая себя как «скалу», а противоположную сторону как сильные и яростные, но короткоживущие «волны». Метафора моря и утеса становилась риторическим приемом, регулярно используемым для описания конфронтации между старым режимом, старыми монархиями, старыми империями, с одной стороны, и революционными или национально-освободительными движениями, а также всеми, кто их поддерживает, с другой. Ср. пассаж из его описания результатов встречи в Теплице в 1835 г. (в письме графу Аппоньи):

Les trois Cabinets sont maintenant tombés d'accord de ne point adresser, à la suite de leur réunion, un manifeste ni même des circulaires à leurs missions. Ce que veulent les trois Cours est généralement connu; le redire est inutile et ne pourrait avoir d'autre résultat que d'affaiblir leur situation inexpugnable. Les vagues viennent se briser contre le rocher, le rocher ne s'avance pas pour briser la lame... Si les puissances savent se taire quand la réserve est commandée par la sagesse, elles sauront agir le jour où leur action sera véritablement utile [Metternich, VI: 92].

Три кабинета теперь согласились на том, чтобы по следам встречи не выпустить ни какого-либо манифеста, ни даже циркуляра к их миссиям. Чего три двора желают, в целом известно; повторять это бесполезно и может лишь ослабить их непреступные позиции. Волны приходят и разбиваются о скалу, тогда как скала не идет сама навстречу волне, чтобы разбить ее... Если власти могут хранить молчание, когда мудрость повелевает сдерживаться, они могут действовать, когда их действия подлинно полезны.

Объясняя отсутствие итогового документа по встрече в Теплице, Меттерних пошел дальше и, по сути дела, дал понять, что правители трех империй будут реагировать на любые попытки изменить мир, когда они сочтут нужным и как они сочтут нужным. Оправдывая это, он вернулся к своей любимой теме: природа старых империй — это природа скалы, которая никогда не идет вперед, она стоит и ждет, когда волны придут, чтобы разбиться о нее. Революционеры, лидеры национальных движений, адепты социальных реформ тем временем действуют в точности как волны, атакующие скалу, и им суждено о нее разбиться. Важно отметить, что Меттерних видел столкновение революции и империи, «волн» и «скалы», как столкновение субстанции разной природы. Они ведут себя по-разному и не могут трансформироваться одна в другую. Этот аспект метафоры моря и утеса очень важен для понимания семантики метафоры и для всего моего анализа (см. ниже).

В самом начале 1848 г., за полгода до стихотворений Жуковского и Тютчева, князь Меттерних, еще будучи австрийским канцлером, писал к российскому министру иностранных дел Карлу Нессельроде, что само географическое положение Австрии делает ее оборонительной твердыней перед теми странами, которые стали добычей той силы, что можно назвать моральной и материальной анархией. Австрия, по мнению канцлера, была атакуема всеми партиями, старающимися внести беспорядок и толкнуть страну на путь либерализма или крайнего радикализма. Меттерних указывал, что настоящую войну, независимо от шансов сторон на победу, проще выносить, чем биться с фантомами, обретающими плоть при благоприятных обстоятельствах. Он резюмировал: почти

шестьдесят лет (видимо, со времен Французской революции) Австрия стоит как утес среди бушующих волн⁹.

Это использование метафоры моря и утеса очень близко к тем, что процитированы в начале настоящей работы. Разница в том, что Меттерних не объявлял свою страну несокрушимым барьером на пути революционных волн, а просто жаловался, что из-за географического положения она играла эту роль в прошлом и истощила свои ресурсы (через Нессельроде канцлер просил русского монарха о денежной помощи). Метафора моря и утеса использовалась Меттернихом для того, чтобы описать конфликт между старой империей и новыми движениями, но не для того, чтобы заявить о несокрушимости первой и бессилии вторых. Судя по некоторым его замечаниям, Меттерних не верил, что революционные волны обречены разбиться о твердыню старых империй. Как раз напротив, он был на этот счет довольно пессимистичен, допуская, что революция затопит всю Европу (ср. выше цитату 1820 г.). Когда весна народов положила конец его карьере, он писал Николаю I, что кризис, в который погружена Европа, гораздо шире, чем отдельное политическое движение, что он касается самого общественного организма и что человеку не дано остановить этот потоп [Меттерних 1938а: 173].

Меттерних утверждал, что твердыня империи подобна «скале», которая встречает бурные волны мировых катаклизмов, но не мог обеспечить ее стойкость. Он чувствовал себя обязанным служить одним из столпов империи, понимая в то же время, что он смертный и далеко не всемогущий человек. Уже после отставки, в конце 1849 г., он писал:

Pendant trente-neuf ans j'ai joué le rôle d'un rocher qui a résisté aux vagues, jusqu'au moment où ces dernières ont réussi à le miner et à l'engloutir. Ensuite, elles ont recouvert la place que le rocher leur avait disputée; mais elles ne se sont pas apaisées, parce que ce n'était pas le rocher qui les portait à se soulever, et qu'elles portaient en elles-mêmes le principe de leur mouvement. La disparition de l'obstacle n'a donc rien changé ni rien pu changer à la situation. Relativement à celle-ci, je puis parodier le mot de Charles X, qui, entrant dans Paris comme Monsieur, frère du Roi, en l'année 1814, dit à la députation de la ville qui vint le recevoir à la barrière: « Il n'y a rien de changé en France, il n'y a qu'un Français de plus. » (Le mot a fait fortune, parce qu'il est absolument vide de sens.) Je me sens autorisé à crier aux partisans du mouvement social: « Citoyens d'un monde né du rêve, rien n'a changé, il n'y a eu simplement, le 14 mars 1848, qu'un homme de moins! » [Metternich, VIII: 243].

⁹ К сожалению, этот пассаж, чрезвычайно ценный, известен мне только из публикации в русском переводе [Меттерних 1938: 164], тогда как оригинальный текст письма не был мне доступен. Так что я не цитирую его, ограничиваясь подробным пересказом.

В течение тридцати девяти лет я играл роль скалы, которая сопротивлялась волнам вплоть до того момента, когда этим волнам удалось подмыть и поглотить ее. Теперь они покрыли место, где скала бросала им вызов; но они не успокоились на этом, потому что не скала заставила их вздыматься, они несли в себе принцип своего движения. Исчезновение препятствия ничего не изменило и не могло изменить в этой ситуации. Говоря об этом, я могу спародировать острогу Карла X, который, входя в Париж в 1814 г. как Мсье, брат короля, сказал депутации горожан, которая вышла встретить его у городских стен: «Во Франции ничего не изменилось, одним французом больше». (Острота имела успех, поскольку была абсолютно лишена смысла.) Я чувствую себя вправе крикнуть сторонникам общественного движения: «Граждане мира, рожденного мечтой, ничего не изменилось после 14 марта 1848 г., одним человеком меньше!»

Воображаемая физика конфликта между «скалой» и «бурными волнами» оказалась более разнообразной: «бурные волны» выказали способность не только биться о «скалу», но и подмывать ее и проглатывать. «Скала», впрочем, обозначала в данном случае одинокую фигуру канцлера, а не целую империю, так что может показаться, метафора моря и утеса употреблена здесь в более традиционном, «героическом» значении: некто стоит против своих противников подобно скале среди бурных волн. Но Меттерних, чувствительный к смысловым нюансам, как раз посвятил вторую часть этого продуманного пассажа дегероизации самого себя: он лишь человек, защищавший то, что считал достойным защиты, его падение не значит ничего и проч. Он, по сути дела, и не претендовал быть героем, он чувствовал себя одним из обломков некогда колоссальной скалы, обреченной быть проглоченной хаотическими волнами враждебного будущего. Если величественности и прочности у этой скалы не достало для противостояния волнам, личный героизм обломка совершенно бесполезен. Видимо, эти рассуждения прославленного канцлера следует читать примерно так.

Таким образом, метафора моря и утеса к середине XIX в. встречалась в двух различных употреблениях. Первое, героическое, предполагало, что утес олицетворяет героя, а яростные волны — его врагов, которые хотя его ниспровергнуть. Героическое употребление метафоры было традиционным, идеологически нейтральным, оно могло встретиться в любом тексте, в котором описывался кто-то, стойко сражающийся с неприятелями или невзгодами, атакующими его.

Второе употребление, консервативное, оформилось на протяжении первой половины XIX в. Оно было чуть более сложным: утес изображал страну, тогда как волны — революционные и национально-освободительные движения; их предполагаемая победа должна была сокрушить

утес, превратив место, где он стоял (Меттерних все понял верно), в еще одну область, где правит морская стихия.

В первой сцене устойчивость утеса определялась героической борьбой с врагами¹⁰. Во второй сцене утес стоял против волн, потому что это в его природе: волнам свойственно набегать и откатываться, а утесу стоять неподвижно. Подобным же образом страна — Германия, Австрия, Россия — противостояла революционным и националистическим движениям, поскольку она имела природу утеса, а не волн. В цитированном выше пассаже из мемуаров Арндта Германия оказывалась страной, обреченной на то, чтобы «о ее берега разбивались все волны народных движений и мировых смут». Это могло быть понято так, что естественная миссия Германии — стоять против мятежных волн. Образ «скалы», которая может лишь стоять неподвижно среди яростных, но недолговечных, разбивающихся у ее подножия «волн», как показано выше, неоднократно встречается в письмах Меттерниха:

То, что в спокойные времена исчезает, как пена, взбивается бурей в огромные волны...

Посреди бури волны кажутся самыми сильными, но, когда буря проходит, скала остается невредимой, а волны исчезают.

Волны приходят и разбиваются о скалу, тогда как скала не идет сама навстречу волне, чтобы разбить ее.

Природа волн — атаковать утес и затем отступать, а природа утеса в том, чтобы стоять спокойно и неподвижно. Меттерних возвращается к этому тезису снова и снова, как бы желая подтвердить: дело не в героическом сопротивлении утеса волнам, дело в том, что встречаются две разнородные и конфликтующие сущности. Именно сущностная гетерогенность способна спасти утес от превращения в часть бушующего моря. Ниже об этом будет сказано чуть подробнее.

Образ двух разных сущностей — моря и утеса, неизбежно конфликтующих друг с другом — может быть увиден как полемический вызов образу корабля среди бурных волн, который использовался, чтобы изобразить судьбу человека в бурный век революций. Якоб Буркхардт писал

¹⁰ Следует сделать важное замечание. Выше уже встречалось употребление метафоры моря и утеса в героическом варианте, причем героем оказывалась, например, целая страна (ср. выше пример из Робеспьера). Оно мало отличается от стандартного, героического варианта: аллегорическая фигура страны в этом отношении действует так же, как отдельный воин. Такая метафора, казалось бы, может быть отнесена к обоим вариантам. Тем не менее ее следует отнести к героическому варианту. С утесом сравнивается хотя и аллегорическая, но одушевленная фигура, которая героически бьется с врагами. В консервативном варианте волны — агенты революционного хаоса, монолитная твердость утеса — это способность не только выдерживать внешнюю агрессию, но и устоять перед соблазнами революционного хаоса. Более подробный анализ см. ниже.

в своем «Введении в историю революционного века» («Einleitung in die Geschichte des Revolutionszeitalters», 1867–1872): «Могут прийти времена страха и глубочайших бедствий. Нам хочется узнать, какая волна унесет нас в океан, только мы сами являемся этой волной» [Буркхардт 2013: 462]¹¹. И затем: «Отдавая себе отчет в своем нынешнем состоянии, мы видим, что плывем на борту более или менее одряхлевшего судна, движущегося на гребне волны, — одной из миллионов других. Но можно сказать и так — этой волной частично являемся мы сами» [Ibid.: 471]¹². Тот же образ возникает у А. И. Герцена в «Былом и думах» (1852–1868):

Но перед объективностью исторического мира человек не имеет того же уважения — тут он дома и не стесняется; в истории ему легче страдательно уноситься потоком событий или врваться в него с ножом и криком: «Общее благосостояние или смерть!», чем вглядываться в приливы и отливы волн, его несущих, изучать ритм их колебаний и тем самым открыть себе бесконечные фарватеры.

Конечно, положение человека в истории сложнее, тут он разом *лодка, волна и кормчий* [Герцен, XI: 247]¹³.

Образ корабля или самого человека, влекомого океанскими волнами и превращающегося в одну из этих волн, означал, помимо прочего, что мир вступил в новую эпоху, когда нет отчетливой разницы между кораблем как убежищем для тех, кто ищет защиты от хаоса, и волнами как агентами хаоса. Другой образ, образ незыблемой твердыни, по самой своей природе совершенно чуждой хаосу бурного моря и стоически ожидающей, когда вода схлынет, едва ли может быть понят иначе, чем декларация, что империя по самой своей природе предназначена к тому, чтобы противостоять революционной «чуме», и никогда не станет частью нового, (пост)революционного порядка.

Метафора моря и утеса в ее консервативном варианте была характерна для политического мышления в странах более стабильных, чем те, что пережили существенные революционные трансформации. Если восстание или освободительное движение полностью или хотя бы частично охватывали страну, становилось трудно видеть в ней незыблемый утес. Однако революция постепенно подчиняла себе новые и новые

¹¹ Wir möchten gerne die Welle kennen, auf welcher wir im Ocean treiben, allein wir sind diese Welle selbst. Es können Zeiten des Schreckens und tiefsten Elends kommen [Burckhardt 28: 8].

¹² Sobald wir unserer Lage bewußt werden, befinden wir uns auf einem mehr oder weniger gebrechlichen Schiff, welches auf einer von Millionen Wogen dahintreibt. Und diese Woge sind wir ja zum Theil selbst [Burckhardt 28: 21].

¹³ Глава, откуда почерпнута эта цитата, была написана в 1860 г. и опубликована в 1861 г. [Герцен, XI: 688].

территории, не щадя и недавние «незыблемые утесы». Еще в 1792 г. Гердер мог чувствовать себя в Германии «на безопасном берегу», но он едва ли повторил бы эту формулу в 1848 г. Меттерних писал о своей империи как об утесе среди бурных волн в 1848 г., подразумевая скорее воспоминание о счастливом прошлом, чем картину настоящего. Как можно было видеть выше, и в Германии, и в Австрии использовали метафору моря и утеса с легким сомнением: утес, скала, морской берег или что-то еще в том же роде разбивали волны и никогда не отступали, но в их незыблемости и непоколебимости не было уверенности.

К середине XIX в. большая часть Европы была знакома с революциями, так что едва ли существовала европейская страна, которая могла бы назвать себя незыблемым утесом в революционном море. На этом фоне Россия, с консервативной точки зрения, выглядела безупречно надежной. Ее периферийное положение в Европе, огромные расстояния и небывалые по обширности территории препятствовали распространению революционных идей. Полицейский режим позволял подавлять любую оппозиционную деятельность, архаичное законодательство и социальная структура не давали возможности возникать политическим движениям, мощная армия использовалась царским правительством, чтобы помогать правительствам соседних стран подавлять революционные и национально-освободительные движения на их территориях, что позволяло России играть роль «жандарма Европы». Российская империя и в самом деле была твердыней реакции и рассматривалась в качестве таковой как реакционерами, так и революционерами. Если говорить о России, метафора моря и утеса в консервативном варианте казалась более чем уместной.

Нет ничего удивительного в том, что именно в эпоху «весны народов» в России подобные метафоры активно использовались разными авторами. Тимур Гузаиров, комментируя стихотворение Жуковского, указывал: «В публицистике, в депешах министров рассуждение о современной истории часто строилось на развертывании метафоры “утес” ↔ “море” (Россия ↔ Европа)» [Гузаиров 2007: 95]. Н. И. Греч в январе 1848 г. писал в Третье Отделение:

Всею своею неистовою силою бьет вода в берег, противустоящий могучему напору; этот гранитный, непоколебимый берег, об который разбиваются громадные волны океана и разлетаются мелкими брызгами, есть Россия, твердый оплот нечестию, мятежу, разорению, основанный на вере, правде и совести [Булгарин 1998: 555]¹⁴.

¹⁴ Характерно, что остальное письмо выдержано в слегка встревоженном тоне. Кажется, что заверения, что Россия непоколебима и подобна гранитному берегу, носят скорее перформативный, нежели дескриптивный характер.

Очевидно, такие образы не были чем-то новым для русской публики. Иннокентий (Борисов), епископ Херсонский и Таврический, использовал в своей проповеди по случаю императорского манифеста от 14 марта 1848 г. (о европейских событиях) очень похожее сравнение:

Среди всеобщаго мира и тишины, духъ злобы внезапно воздвигъ бурю, которая свирѣпостію своею превосходить все, отъ чего страдали когдалибо царства и народы. На всемъ пространствѣ Запада уже нѣтъ почти ни одного изъ нихъ, который бы не испыталъ надъ собою ужаснаго превращения порядка общественнаго.— Вездѣ слезы, кровь и пламень! Одна, Богомъ возвеличенная и Богомъ хранимая Россія, яко гора Сионъ, стоитъ непоколебима среди всемирныхъ тревоженій [Иннокентий Борисов 1848: 1].

Аналогичная метафора встречается и в проповеди Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского, сказанной им на день рождения Николая I (25 июня 1848 г.):

Не возлюбивъ свободно повиноваться законной и благотворной власти царя, принуждены раболѣпствовать предъ дикою силою своевольныхъ скопищъ. Такъ твердая земля превращается тамъ въ волнуемое море народовъ, которое частію поглощаетъ уже, частію грозитъ поглотить учрежденія, законы, порядокъ, общественное довѣріе, довольство, безопасность. Но благословенъ *Запрещающій морю* (Матѳ. 8, 26)! Для насъ еще слышенъ, въ событияхъ, Его гласъ: *до сего дойдеши, и не преjdeши* (Иов. 38, 11). Крѣпкая благочестіемъ и самодержавіемъ Россія стоитъ твердо и спокойно, подобно каменной горѣ, у подножія которой *сокрушаются волны моря* [Филарет Дроздов 1848: 375–376].

Филарет и Иннокентий оба были знаменитыми проповедниками; их проповеди публиковались и многократно переиздавались¹⁵. Можно полагать, что их проповеди были хорошо известны русской публике. Мне не удалось найти свидетельства, что Жуковский или Тютчев были знакомы с этими образчиками церковной риторики, но подобные фигуры речи определенно были знакомы многим читателям их стихов.

Другое свидетельство широкого использования метафоры моря и утеса можно найти в сочинениях Герцена, — разумеется, с негативной оценкой. В работе «Русский народ и социализм» (1851) Герцен писал (цит. и во французском, и в русском вариантах):

¹⁵ Проповедь Иннокентия была опубликована отдельной брошюрой и в журнале «Христианское Чтение» [Иннокентий Борисов 1848; 1848a]. Проповедь Филарета была опубликована в «Прибавлении к изданию творений святых Отцев в русском переводе» [Филарет Дроздов 1848], а затем многократно переиздавалась. Обе проповеди были упомянуты в обзоре «Журнала Министерства народного просвещения» [Галанин 1848: 263–270], причем были воспроизведены значительные по объему фрагменты каждой из них.

Et le Palais d'hiver devient, comme la cime d'une montagne à la fin de la saison, de plus en plus couvert de neige et de glace. La sève qu'on y a fait monter artificiellement, se retire de ces sommités sociales ; il ne leur reste que la force matérielle et la dureté d'un rocher apte encore à résister quelque temps aux vagues révolutionnaires, qui viennent se briser à leur pied [Герцен, VII: 290].

И Зимний дворец, как вершина горы под конец осени, покрывается все более и более снегом и льдом. Жизненные соки, искусственно поднятые до этих правительственных вершин, мало-помалу застывают; остается одна материальная сила и твердость скалы, еще выдерживающей напор революционных волн [Ibid.: 325].

Герцен, пытаясь объяснить зловещую непоколебимость русского самодержавия, изобрел для него, кажется, целую воображаемую геофизику. Но центральные компоненты рисуемой им картины: «твердость скалы», «напор революционных волн» (во французском тексте: «...qui viennent se briser à leur pied» — «которые разбиваются у ее подножия») — не оставляют сомнения, что знаменитый революционный публицист прибегает к той же метафоре, что и его консервативные оппоненты.

В настоящей статье я предполагал не только проследить за восхождением метафоры моря и утеса, но и раскрыть ее дискурсивную логику. Здесь уже говорилось о ее связи с метафорой государства как корабля, одной из важнейших, базисных в западной политической мысли; теперь следует сравнить обе метафоры с точки зрения их конструктивной роли в дискурсе. Метафора государства-корабля была идеологически индифферентной; к примеру, якобинцы использовали ее для изображения революционной Франции среди враждебных европейских государств¹⁶, тогда как Томас Карлейль использовал ее для нападок на современную ему демократию¹⁷. Можно предположить, что «мореходное» понимание

¹⁶ Ср.: «...le roi ne peut plus remonter sur le trône, parce que sa conduite actuelle le rend indigne de la confiance publique; parce qu'étant trop faible et incapable de tenir le gouvernail de l'empire, il exposerait à chaque instant le vaisseau de l'État à de nouveaux écueils» («...король не может вернуться на трон, поскольку его нынешнее поведение делает его недостойным общественного доверия; поскольку, будучи слишком слаб и неспособен управлять империей, он будет то и дело подвергать корабль Государства опасности налететь на новые рифы») [Société des Jacobins, II: 551]; «Ils emploieront tous les moyens pour briser le vaisseau de la constitution, ou l'empêcher d'entrer au port» («Они используют все средства, чтобы сокрушить корабль конституции или помешать ему войти в порт») [Société des Jacobins, III: 23]; «...ce fut le seul homme qu'il trouva disposé à sauver le vaisseau de l'État» («...это был единственный человек, которого он считал готовым спасти корабль Государства») [Société des Jacobins, IV: 435] и проч.

¹⁷ Ср.: «Your ship cannot double Cape Horn by its excellent plans of voting. The ship may vote this and that, above decks and below, in the most harmonious exquisitely constitutional manner: the ship, to get round Cape Horn, will find a set of conditions

государственного управления отражает важные интуиции по поводу политики. Во-первых, политическая жизнь сложна и опасна, полна хаотических и разрушительных сил, способных уничтожить государство. Во-вторых, этих угроз можно избежать только благодаря умелому и осторожному правлению. Отсюда и настоящая роль всякого правителя (правительницы): он(а) опытный кормчий, обеспечивающий кораблю безопасное плавание.

Это может показаться тривиальным, однако влечет за собой важные последствия во времена кризиса. Если корабль государства потерпел крушение или сел на мель, не стоит винить никого, кроме кормчего. Это следствие, в свою очередь, образует основу для критического отношения к верховной власти. Было бы весьма наивно верить, что подрыв имперских институтов может быть напрямую вызван употреблением тех или иных метафор, но метафоры, которые используют авторы статей и манифестов, а также публичные ораторы, задают рамки политического мышления, определяют его цели, мерил и горизонты. Можно быть яростным монархистом и консерватором, но, используя метафоры вроде «корабль государства», приходится, намеренно или нет, допускать возможность оценки верховного властителя как успешного или неуспешного, победоносного или нет и т. д. Это обеспечивает основу для будущей критики и, в конце концов, для отвержения притязаний старорежимных правителей на абсолютную власть.

Пока социальный и политический порядок стабилен, в такой перспективе нет угрозы, но, когда столпы общества начинают шататься, чуткий автор может ощутить взрывной потенциал подобной образности. Неудивительно, что в наиболее консервативных странах вырабатываются новые метафоры, предназначенные для того, чтобы реструктурировать политическое воображаемое в соответствии с вновь творимой охранительной идеологией. Именно в этом ряду должна рассматриваться и метафора моря и утеса в ее консервативном варианте. Прослеживание ее истории в XIX в. показывает, что она происходит от двух почтенных метафор прошлого. Ее визуальная сила порождена эмблематической фигурой героя, непоколебимого в битве, как утес непоколебим среди бушующих волн. Картина, однако, инвертирована: не герой, а сама земля становится непоколебимым утесом, противостоящим

already voted for, and fixed with adamantine rigour by the ancient Elemental Powers, who are entirely careless how you vote.» («Ваш корабль не сможет обогнуть мыс Горн с помощью ваших великолепных планов голосования. Корабль может голосовать так или эдак, на палубах и под палубами, в самой гармоничной, исключительно конституционной манере; корабль, чтобы обогнуть мыс Горн, будет нуждаться в ряде условий, за которые древние изначальные Силы уже проголосовали и которые они уже закрепили с несокрушимой строгостью, полностью безразличные к вашему голосованию») [Carlyle 1850: 14].

волнам не из мужества, а просто по своей природе твердого тела, противостоящего ударам воды и ветра. Таким образом, перед нами переосмысленная картина героической стойкости. С другой же стороны, она представляет собой трансформированный образ корабля, недоступного отныне штормам и мелям и не нуждающегося, следовательно, в опытного капитана (как показано выше, иногда можно даже предположить, что употребление этой метафоры определяется осознанным нежеланием видеть корабль государства в бурном море).

Следовательно, наша метафора полемична по отношению к обоим образам человеческой деятельности и героизма, образу мужественного сопротивления и образу умелого маневрирования. Вместо них будто бы существует некая сущность империи¹⁸, которая обеспечивает ее стабильность и непобедимость перед лицом эпохальных вызовов.

Эти вызовы также могут быть реинтерпретированы в свете образности моря и утеса. Любое общество сталкивается с вызовами двух видов — атаками извне и внутренними конфликтами. Природа первых и вторых различна: если внешние атаки испытывают общество на прочность, то вторые проблематизируют само существование общества, возможность говорить о нем как о консолидированном целом. Однако консервативная риторика обычно стремится соединить эти разнородные проблемы воедино, отрицая принципиальное различие между ними. Так, в уже упоминавшемся манифесте Николая I от 14 марта 1848 г. «весна народов» нарочито описывалась как род внешнего вторжения в Россию:

Возникнувъ сперва во Франціи, мятежь и безначаліе скоро сообщились со предѣльной Германіи и, разливаясь повсемѣстно съ наглостію, возрастающею по мѣрѣ уступчивости Правительствъ, разрушительный потокъ сей прикоснулся, наконецъ, и союзныхъ Намъ Имперіи Австрійской и Королевства Прусскаго. Теперь, не зная болѣе предѣловъ, дерзость угрожаетъ, въ безуміи своемъ, и Нашей, Богомъ Намъ ввѣренной Россіи [Манифест 1848: 2].

Было очень важно подчеркнуть, что «мятеж и безначалие» пришли в Россию извне и угрожают ее суверенитету. Русский царь объявлял, что он готов защищать «честь имени Русскаго и неприкосновенность предѣловъ Нашихъ» [Ibid.: 2]¹⁹.

¹⁸ Эта сущность может быть сразу или в дальнейшем уточнена; она может определяться духом народа, глубиной его религиозностью, особым географическим положением страны и проч. Метафора моря и утеса задает существование этой особенности, своего рода контрреволюционной уникальности.

¹⁹ Комментируя тон николаевского манифеста, У. Брюс Линкольн писал: «Such a ringing cry, expressed in archaic language and seeming to call Russians to a Holy War when no attack had yet been launched against her frontiers, may well strike the Western reader as strange» («Такой звенящий крик, использующий архаический язык и, кажется, призывающий русских к священной войне, в

Метафора моря и утеса позволяла видеть любые угрозы как некие атакующие волны. Волны иноземных вторжений приходили в Россию и откатывались прочь. Волны революционных и национальных движений обречены поступать так же. Эта картина заставляет забыть, что монолит России состоит из множества людей и групп интересов — социальных классов, этносов, конфессий и т. д. Люди и группы могут действовать и в основном действуют по своему усмотрению, могут быть более лояльны или менее лояльны империи, социальные же конфликты и в перспективе революции имеют место из-за накопившихся противоречий. Однако метафора моря и утеса экстерииоризирует революционную угрозу, имплицитно вменяя каждому субъекту обязанность быть частью имперского утеса. Невосприимчивость общества к революционным идеям в консервативной перспективе концептуализировалась как его сила, прочность *sui generis*. Метафора моря и утеса придает этой мысли визуальную наглядность и образное воплощение.

Библиография

Булгарин 1998

Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение, Рейтблат А. И., публ., сост., предисл. и коммент., Москва, 1998.

Буркхардт 2013

Буркхардт Я., *Размышления о всемирной истории*, пер. с нем., 2-е изд., Москва, С.-Петербург, 2013.

Василий Великий, I–II

Святитель Василий Великий, *Творения*, I–II, Москва, 2008–2009.

Галанин 1848

И[ванъ] Г[аланинъ], *Обозрѣніе русскихъ газетъ и журналовъ за второе трехмѣсячіе 1848 года*, *Журналъ Министерства народнаго просвещенія*, LIX, 1848, Июль, 251–296.

Герцен, I–XXX

Герцен А. И., *Собрание сочинений в тридцати томах*, I–XXX, Москва, 1954–1966.

Гузаиров 2007

Гузаиров Т., *Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования*, Tartu, 2007.

Жуковский, I–XVII–

Жуковский В. А., *Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах*, I–XVII–, Москва, Томск, 1999–2024–.

то время как никакой атаки извне не было, мог сильно поразить западного читателя, показаться ему странным») [Lincoln 1980: 287]. Манифест Николая, говоря о европейских событиях 1848 г., использовал настолько решительную и воинственную риторику, что Министерство иностранных дел должно было давать официальный комментарий (цит. в русском переводе по журналу «Сын Отечества»; оригинальный текст был опубликован в *Journal de Saint-Petersbourg*): «Ни въ Германіи, ни во Франціи, Россія не намѣрена вмѣшиваться въ правительственныя преобразованія, которыя уже совершились, или же могли бы еще послѣдовать» [Манифест комментарий 1848: 4].

Земскова 2001

Земскова Е. Е., *Русская рецепция немецких представлений о нации в конце XVIII – начале XIX века*, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности, Москва, 2001.

Иннокентий Борисов 1848

Слово по прочтении Высочайшаго манифеста, воспольдовавшаго въ 14 день марта 1848 года, Преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, С.-Петербург, 1848.

——— 1848a

Слово по прочтении Высочайшаго манифеста, воспольдовавшаго въ 14 день марта 1848 года, преосвященнаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, *Христіанское чтеніе, издаваемое при С. Петербургской духовной академіи на 1848 годъ*, часть первая, 309–315.

Кагарлицкий 2021

Кагарлицкий Ю. В., *Постоянство: Слово и понятие в истории русского языка и в культурно-языковом обиходе XVII века, Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности, сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована*, Москва, С.-Петербург, 2021, 282–306.

Каждан 1976

Каждан А. П., «Корабль в бурном море»: К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей, *Из истории культуры Средних веков и Возрождения*, Москва, 1976.

Карнапарва 1990

Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва), Васильков Я. В., Невелева С. Л., пер. с санскрита, предисл. и коммент., Москва, 1990.

де Ла Люзерн 1805

[Сезар-Гийом де Ла Люзерн.] *Пастырское наставление о превосходствѣ религіи, переводъ съ иностраннаго языка*, Москва, 1805.

Ломоносов, I–XI

Ломоносов М. В., *Полное собрание сочинений*, I–XI, Москва, Ленинград, 1950–1983.

Максимович-Амбодик 1788

[Максимовичъ-Амбодикъ Н. М.,] *Емвлемы и символы избранные, на Россійскій, Латинскій, Французскій, Нѣмецкій и Аглицкій языки предложенные, прежде въ Амстердамъ, а нынѣ во градъ Св. Петра напечатанные, умноженные и исправленные Несторомъ Максимовичемъ-Амбодикомъ*, [С.-Петербург,] 1788.

Манифест 1848

[Николай I.] *Высочайшій манифест, Сынъ Отечества. Журналъ исторіи, политики, словесности, наукъ и художествъ*, 1848, книга 4-я: Апрель, Современная Лѣтопись и Политика, 1–2.

Манифест комментарий 1848

[Комментарій по поводу Высочайшаго манифеста от 15 марта 1848 г.] *Сынъ Отечества. Журналъ исторіи, политики, словесности, наукъ и художествъ*, 1848, книга 4-я: Апрель, Современная Лѣтопись и Политика, 2–5.

Марк Аврелий 1985

Марк Аврелий Антонин, *Размышления*, Доватур А. И., Гаврилов А. К., Унт Я., изд. подг., Ленинград, 1985.

Меттерних 1938

Письмо австрийского канцлера гр. Меттерниха министру иностранных дел гр. Нессельроде, 20 января 1848 г., *Красный архив. Исторический журнал Главного архивного управления НКВД СССР*, 4–5 (89–90), 1938, 164–165.

Меттерних 1938а

Письмо австрийского канцлера Меттерниха Николаю I, 14/2 марта 1848 г., *Красный архив. Исторический журнал Главного архивного управления НКВД СССР*, 4–5 (89–90), 1938, 173–174.

Осповат, Ронен 1999

Осповат А., Ронен О., Камень веры (Тютчев, Гоголь и Мандельштам), *Тютчевский сборник II*, Tartu, 1999, 48–55.

Римские стойки 1995

Римские стойки: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий, Сапов В. В., вступ. статья, сост., подг. текста, Москва, 1995.

Руди 2004

Руди Т. Р., «Яко столп непоколебим» (об одном агриографическом топосе), *Труды отдела древнерусской литературы*, LV, С.-Петербург, 2004, 211–227.

Символы и эмблемата 1705

Символы и эмблемата оуказомъ и блгоповеденіи Егв... Величества... Императора, Московскаго, Великагв Г(с)дра Црл и Великагв Князя Петра Алеѣевича... напечатаны. Symbola et Emblemata jussu atque auspiciis Suae Majestatis Imperatoris Moschoviæ Magni Domini Czaris, et Magni Ducis Petri Alexeidis... excusa, Amstelædami, 1705.

Успенский 1979

Успенский В. А., О вещных коннотациях абстрактных существительных, *Семиотика и информатика*, 11, Москва, 1979, 147–160.

Феофан Прокопович, I–IV

Феофана Прокоповича архиепископа Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, Святѣйшаго Правительствующаго Синода Вицезидента, а потомъ первенствующаго Члена, слова и рѣчи поучительныя, похвальныя и поздравительныя..., 1–4, С.-Петербург, 1760–1774.

Филарет Дроздов 1848

Слово въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Павловича Самодержца Всероссійскаго, говоренное въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ 25 Іюня, 1848 года, *Прибавленія къ изданію Твореній Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ. Годъ шестый*, Москва, 1848, 370–378.

Шишков, I–XVII

Собраніе сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова Россійской Императорской Академіи Президента и разныхъ ученыхъ обществъ члена, 1–17, С.-Петербург, 1818–1839.

Arndt 1842

Arndt E. M., *Erinnerungen aus dem äußeren Leben*, Leipzig, 1842.

Blumenberg 1997

Blumenberg H., *Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence*, Rendall S., transl., Cambridge (Mass.), London, 1997.

Brock 2013

Brock R., *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*, London, New Dehli, New York, Sydney, 2013.

Burckhardt, 1–28

Jacob Burckhardt Werke: Kritische Gesamtausgabe, 1–28, München, 2000–.

Carlyle 1850

Carlyle T., *Latter-day Pamphlets*, London, 1850.

de La Feuille 1691

Devises et Emblemes Anciennes et Modernes tirées des plus celebres Auteurs avec plusieurs autres nouvellemt, inventées et mises en Latin, en François, en Espagnol, en Italien, en Anglois, en Flamand et en Allemand, par les soins de Daniel de La Feuille, Amsterdam, 1691.

- de La Luzerne 1793
Instruction pastorale de Monseigneur l'Évêque-Duc de Langres sur l'Excellence de la Religion,
Chantilly, 1793.
- Herder 1883
Herder J. G., Briefe zu Beförderung der Humanität, *Herders Sämtliche Werke*, Suphan B., hrsg.,
18, Berlin, 1883, 1–356.
- Lakoff, Johnson 1980
Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, Chicago, London, 1980.
- Lincoln 1980
Lincoln W. B., *Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias*, Bloomington, London, 1980.
- Lipsius 1654
*Constancy: In Two Books. Written in Latin by Justus Lipsius. Containing Comfortable Consolations,
for all that are afflicted in Body, or Mind. And now faithfully rendered into English by R. G. M. of A.*,
London, 1654.
- Marcus Aurelius 1916
*The Communings with himself of Marcus Aurelius Antoninus, Emperor of Rome, together with his
speeches and sayings*, Haines C. R., rev. text and transl. into English, London, New York, 1916.
- Metternich, I–VIII
Mémoires, documents et écrits divers, laissés par le prince de Metternich, Chancelier de Cour d'État,
I–VIII, Paris, 1880–1884.
- Oestreich 1982
Oestreich G., *Neostoicism and the Early Modern State*, McLintock D., transl., Oestreich B.,
Koenigsberger H. G., Cambridge, eds., London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney,
1982.
- PG, I–CLXII
Patrologia Graeca, Migne J. P., eds., I–CLXII, Paris, 1857–1866.
- Robespierre 1989
Robespierre M., *Écrits présentés par Claude Mazauric*, 1989.
- Seneca, I–III
Seneca, *Moral Essays*, I–III, with an English translation by John W. Basore, Cambridge (Mass.),
London, 1928–1935.
- Société des Jacobins, I–VI
*La Société des Jacobins: Recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris par F.-A.
Aulard*, I–VI, Paris, 1889.
- Symbolorum et Emblematum 1604
*Symbolorum et Emblematum ex Aqvatilibus et reptilibus Desumptorum. Centuria Quarta a
Joachimo Cameratio Medi' Nor' coepta: ab oluta post eius obitum a Ludouico Camerario...*,
[Leipzig?], 1604.
- von Tannenberg 1797
von Tannenberg G. F., *Leben Catharina II. Kaiserin und Selbtherrscherin aller Ruessen etc. etc.*,
Leipzig, 1797.
- Thompson 2001
Thompson N., *The Ship of State: Statecraft and Politics from Ancient Greece to Democratic
America*, New Haven, London, 2001.
- Virgil, I–II
Virgil in two volumes, with an English translation by Rushton Fairclough, I–II, London,
Cambridge (Mass.), 1942.

References

- Blumenberg H., *Shipwreck with Spectator: Paradigm of a Metaphor for Existence*, Rendall S., transl., Cambridge (Mass.), London, 1997.
- Brock R., *Greek Political Imagery from Homer to Aristotle*, London, New Dehli, New York, Sydney, 2013.
- Guzairov T., *Zhukovskii – istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniia*, Tartu, 2007.
- Kagarlitskiy Yu. V., Postoianstvo: Slovo i poniatie v istorii russkogo iazyka i v kul'turno-iazыkovom obikhode 17 veka, *Slova, konstruksii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti, sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana*, Moscow, St. Petersburg, 2021, 282–306.
- Kazhdan A. P., "Korabl' v burnom more": K voprosu o sootnoshenii obraznoi sistemy i istoricheskikh vzgliadov dvukh vizantiiskikh pisatelei, *Iz istorii kul'tury Srednikh vekov i Vozrozhdeniia*, Moscow, 1976.
- Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, Chicago, London, 1980.
- Lincoln W. B., *Nicholas I: Emperor and Autocrat of All the Russias*, Bloomington, London, 1980.
- Oestreich G., *Neostoicism and the Early Modern State*, McLintock D., transl., Oestreich B., Koenigsberger H. G., Cambridge, eds., London, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney, 1982.
- Ospovat A., Ronen O., Kamen' very (Tiutchev, Gogol' i Mandel'shtam), *Tiutchevskii sbornik 2*, Tartu, 1999, 48–55.
- Rudi T. R., "Iako stolp nepokolebim" (ob odnom agiograficheskom topose), *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, 55, St. Petersburg, 2004, 211–227.
- Thompson N., *The Ship of State: Statecraft and Politics from Ancient Greece to Democratic America*, New Haven, London, 2001.
- Uspenskij V. A., O veshchnykh konnotatsiakh abstraktnykh sushchestvitel'nykh, *Semiotika i informatika*, 11, Moscow, 1979, 147–160.

Юрий Валентинович Кагарлицкий, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
Россия / Russia
yury.kagarlitskiy@gmail.com

Received November 11, 2024